

ми «боевой пыл» воина, приводящий к его преобразению, «священное исступление» шамана и «бешенство» берсерка — явления близкого происхождения и воздействия, проявленные, однако, на разных уровнях.

Интересно вспомнить и классическое для кельтских саг описание триумфально шествующего героя: «покрыт алой кровью». Означает ли это, что герой совершил некий обряд, перемазавшись кровью с головы до ног? И даже если это так, кровь какого существа сохранит на воздухе алый цвет? Но задумавшись, стоит ли понимать фразу столь буквально — ведь речь, возможно, идет не о том, *каким был герой*, но о том, *каким его видели* окружающие люди.

Вспомним по этому поводу иконописную традицию изображения нимбов. Немногие из современных людей способны видеть человеческие ауры, но древние иконописцы видели сверкающие ауры святых и изображали святых так, как видели их. Возьму на себя смелость утверждать, что аура такого древнеирландского героя, как Кухулин, например, была чисто-алого цвета; древние видящие, смотревшие на Кухулина в момент его триумфа и соответственно наибольшей яркости его ауры, видели его сквозь ярко-алое сияние — видели его «покрытым алой кровью».

* * *

..Это лишь несколько примеров, призванных продемонстрировать сложности, возникающие при попытках разобраться в сути и технологиях древних волшебных искусств. И, констатируя существование этих проблем, хочется еще раз подчеркнуть, что речь идет о произошедших с момента создания этих текстов изменениях в восприятии людьми окружающего мира. Такое медленное, «вековое», изменение мировосприятия — процесс бессознательный; сознательные же сдвиги видения, связанные фактически с изменением положения точки сборки (по Кастанеде), уже представляют собой магию. Хотим мы того или нет, но для верного понимания древнего волшебства магия необходима, и процесс этот двусторонен — мы не только применяем магию для понимания древнего волшебства, но и используем его для формирования собственных магических концепций.

Мы очень далеки от настоящего понимания того, что было когда-то очевидным и естественным. Другое дело, что мы и не стремимся к «изучению» как таковому. Древние искусства были и остаются тайной, а изучение тайн — это подход ученого, но не мага. Мы же стремимся не столько изучить тайну древних искусств, сколько соприкоснуться с ней, войти в нее и, быть может, стать ее частью..